

Т. А. Базарова

«И НАЗЫВАЮТ ТОТ ДВОР РОССИЙСКИМ»:
РЕЗИДЕНЦИЯ РУССКИХ ПОСЛОВ В СТАМБУЛЕ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Первые европейские послы появились в Стамбуле во второй половине XV в., когда с Высокой Портой установили торговые и дипломатические отношения Венеция, Генуя, Австрия, Польша, Россия и некоторые другие государства. В отличие от Западной Европы, где дипломатов содержало правительство, интересы которого они представляли, в Османской империи сформировалась традиция обеспечивать иноземные посольства всем необходимым, которая просуществовала до конца XVIII в. В Стамбуле помимо денежных выплат (корма) турецкое правительство предоставляло послам двор и охрану из янычар.

В XVI в. обмен посольствами по случаю заключения мира или смены правителя дополнился учреждением европейских представительств при Высокой Порте¹. Первый постоянный посол Франции прибыл на берега Босфора в 1535 г. Представительство Англии возникло в 1583 г., а Голландии – в 1612 г.² Укрепление дипломатических контактов великих европейских держав с Высокой Портой было тесно связано с торгово-экономическими интересами в Средиземноморском регионе, странах Леванта и т. д. Турецкие султаны для того, чтобы стимулировать торговлю, подписывали с европейскими государями договоры (капитуляции, *ahdname*), которые предоставляли права и привилегии западным купцам, постоянно проживавшим и торговавшим на территории Османской империи³. Европейские послы и консулы представляли и защищали интересы не только своих правительств, но также крупных торговых компаний, купцов и торговцев.

Первоначально прибывавших в Стамбул дипломатов размещали на Посольском дворе (Эльчи-хан). Однако в середине XVII в. послы-резиденты переехали на другой берег залива Золотой Рог – в Перу (в современном Стамбуле это район Бейоглу, где располагаются консульства европейских держав)⁴. Пера и Галата издавна являлись местом проживания генуэзской и венецианской колоний, а в Новое время также купцов и ремесленников из всех западноевропейских государств, имевших торговые связи с Османской империей. Со времен Византии там находился двор байло – постоянного представителя Венецианской республики. В начале XVII в. рядом с венецианским двором появилась резиденция французского посла. Деревянное здание, в котором было две часовни, не раз страдало от пожаров, но неизменно отстраивалось на том же месте. Неподалеку от французского посольства поселились и другие дипломаты.

В 1612 г. в Пере арендовал двор первый голландский посланник, Корнелий Хага, который прибыл в Стамбул, чтобы договориться о заключении капитуляции. Затем в том же деревянном доме поселился голландский резидент (с 1688 г. посол) Юстин Кольер, который вначале платил владельцу здания 400 левков в год, а затем выкупил арендованный дом. После того как в 1700 г. деревянное здание вместе со значительной частью Перы уничтожил пожар, голландский посол (тогда это был Якоб Кольер, сын Юстина) приобрел два больших участка земли. На них возвели двухэтажное здание на каменных погребках, хозяйственные постройки и церковь⁵. Новый голландский двор соседствовал с французским, генуэзским и венецианским посольствами⁶. Первым британским дипломатом также приходилось арендовать здания у местных жителей. У. Харборн, английский посол при Порте в 1583–1588 гг., нанял двор близ Топхане, арсенала в Галате. Сменивший его на этом посту Э. Бартон перенес свою резиденцию в Перу⁷. В жаркие летние месяцы, когда возникала угроза пожаров или эпидемий, послы обычно перебирались на загородные дворы в окрестностях Стамбула. Посольства государств, у которых не было постоянного дипломатического представительства при Высокой Порте, по-прежнему располагались в центральной части города. Например, в XVI–XVII вв. османское правительство выделяло там дворы польским дипломатам. Лишь в начале XVIII в. посольства Речи Посполитой стали размещать в Пере, где во второй половине века появился и первый польский посол-резидент⁸. До получения статуса резидента австрийский посольский секретарь И. М. Тальман (он приехал с послом графом Вольфгангом фон Эттингеном в 1700 г. и остался после его отъезда) проживал на дворе, находившемся близ городской стены в старой части Стамбула⁹.

Постоянные представители европейских держав обычно получали от Порты меньшее денежное содержание, чем приезжавшие сухим или морским путем в Стамбул с дипломатическими поручениями чрезвычайные полномочные послы. Это было связано с более высоким статусом посла и численностью прибывавших с ним служителей. Как правило, временное посольство европейского государства состояло из 50–150 человек, постоянное – 30–70. Впрочем, бывали и исключения. Польское посольство Яна Гнинского, прибывшего в 1677 г. в Стамбул для ратификации Журавенского договора, состояло из 450 человек, которые не смогли поместиться на предоставленном Портой дворе. Людям посла пришлось ночевать на улице¹⁰. В 1702 г. вместе с первым постоянным русским представителем при Высокой Порте стольником П. А. Толстым, переводчиками, толмачами и посольскими дворянами в Стамбул прибыло 95 дворовых и рабочих людей, конюхов, поваров и пр.¹¹

В Новое время в связи с учреждением постоянных представительств при европейских дворах в юридической науке развивалась теория экстерриториальности («внеземельности») дипломата. Согласно данной концепции (законченную формулировку она получила в труде Гуго Гроция «О праве войны и мира», 1625 г.), посол и члены дипломатической миссии не подчиняются местной власти, а занимаемая посольством территория является частью территории представляемого им государства¹².

Османский посольский обычай под влиянием контактов с Западной Европой также претерпевал изменения. Однако идеи, связанные с неприкосновенностью иноземного посла, не находили отражения в турецкой дипломатической практике. В случае проявления неуважения по отношению к высшим османским чиновникам дипломаты и члены их семьи могли быть подвергнуты физическому наказанию или даже казни¹³.

Послы и их служители во время обострения отношений между представляемыми ими государствами и Османской империей находились под угрозой обыска и ареста. Еще в XIX в. сохранялась традиция после объявления войны другому государству заключать представлявшего его интересы дипломата в тюрьму Едикуле (Семибашенный замок).

Итак, в начале XVII в. в Стамбуле сложился европейский дипломатический корпус. Несмотря на политические и религиозные противоречия, которые существовали между европейскими государствами (случалось, они находили отражение в личных ссорах и конфликтах дипломатов), послов объединяли общие интересы. Историк дипломатии Дж. Берридж отметил, что члены корпуса (венецианцы, французы, англичане и голландцы) обменивались информацией, помогали друг другу противостоять давлению османских министров, сохранять связи с внешним миром и т. п. Совместные действия заметно облегчало то, что дипломаты жили в непосредственной близости друг от друга, в Пере¹⁴.

В XV–XVII вв. в османскую столицу из Москвы с различными поручениями было отправлено несколько десятков посольств. Русские цари стремились заключить письменное соглашение с южным соседом о дружественных отношениях, регулярном обмене посольствами и торговле¹⁵. Приезжавшие в Стамбул царские послы получали от Порты двор на южном берегу Золотого Рога в Греческой слободе (Фанаре). В этом квартале находилась резиденция константинопольского патриарха и православные церкви. Там же останавливались русские купцы, иконописцы и паломники. Выполнение возложенных на русских послов поручений не требовало установления контактов с западноевропейскими дипломатами. Круг общения послов в Стамбуле преимущественно ограничивался османскими министрами и единоверцами. Ситуация кардинально изменилась в Петровскую эпоху. В первой четверти XVIII в. указы и инструкции Посольского приказа обязывали русских дипломатов с «чужестранными министрами обходиться политично», обмениваться с ними визитами, а в случае необходимости обращаться за содействием к послам дружественных России держав.

В отечественной историографии русско-турецких отношений первой четверти XVIII в. встречаются лишь краткие упоминания о посольском дворе, из которых сложно получить представление даже о том, где он находился. Между тем анализ донесений, реляций, статейных списков и расходных книг, отложившихся в собраниях Российского государственного архива древних актов (РГАДА, Москва) и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ, Москва), позволяет уточнить факты, связанные с бытом и повседневной жизнью петровских дипломатов при османском дворе.

В сентябре 1699 г. на берегах Босфора появились первые петровские дипломаты – чрезвычайные посланники думный дьяк Е. И. Украинцев и дьяк И. П. Чередеев. Перед ними стояла задача подписать мирный договор или длительное перемирие, которое должно было официально закончить русско-турецкую войну (1686–1700). Согласно статейному списку, по прибытии в Стамбул посланников «поставили... на дворе умершаго Мустафы-паши близ городских ворот именуемых Кумкапы, они же называютца Песочные, что к Белому морю»¹⁶. Охраняли русский посольский двор пятьдесят янычар.

12 сентября во время встречи с великим драгоманом греком-фанариотом Александром Маврокордато Е. И. Украинцев выразил недовольство расположением резиденции, поскольку рассчитывал, что его, как прежних царских послов, разместят в Греческой слободе¹⁷. Он также беспокоился, что по воле Порты посланники Петра I окажутся

в худших условиях, чем другие европейские дипломаты, и это может уронить честь государя. А. Маврокордато заверил Е. И. Украинцева и И. П. Чередеева, что «...поставлены они в доме в полатах знатного и честного человека, а прежде-де сего царского величества послы и посланники ставили не на таких дворах и не в полатах, но в домах небольших греческих». Е. И. Украинцев принял доводы и согласился, что представители государя все-таки разместили «в честном и в знатном доме и не для какова утеснения и бесчестия»¹⁸. Окончательно успокоили Е. И. Украинцева свидетельства иноземных послов, которые приходили с визитами на русский посольский двор. Так, 15 ноября французский посол сообщил, что «тот двор, на котором они, посланники, поставлены, хотя и в далности от них, изрядной, и пространной, и строения на нем много. И по достойности их благоразумия такой им двор дан»¹⁹.

Отведенное Е. И. Украинцеву и И. П. Чередееву здание было каменным и достаточно просторным для размещения дипломатической миссии, состоявшей из семидесяти человек. Однако оно находилось в окруженной городской стеной центральной части Стамбула, где «дворы частые и тесные»²⁰, «в глухом месте, не на большой улице, к Белому морю», с которого дули «ветры нездравые»²¹. В непогоду европейские дипломаты тратили на дорогу с Галаты до русского двора три часа (туда и обратно). Посланники писали, что от их двора «до церкви и до двора константинопольского патриарха будет з две версты в оба пути»²². Они отметили и неудовлетворительное состояние длительное время пустовавшего здания: «...кровли все опали, и везде бывает от дождя великая теча... во всех полатах окончин и печей нет»²³. Со временем Высокая Порта привела посольский двор в порядок. Правда, работы велись неспешно и к началу зимы оставались недоделки. Еще 9 декабря 1699 г. посланники пожаловались, что «окончины не все в житьях вставлены, и житье их нужное»²⁴.

Русский посольский двор стал не только местом проживания петровских дипломатов и их служителей. Посланникам помимо османских министров наносили визиты западноевропейские дипломаты, их секретари и переводчики. Иерусалимский патриарх Досифей передавал письма со своими людьми, заходили С. А. Владиславич-Рагузинский и другие греческие и сербские торговцы, а также оказавшиеся в затруднительной ситуации соотечественники. Греческие лекари приходили врачевать посланников, а также других сотрудников русской миссии. На посольском дворе и корабле «Крепость» временно разместили десятки русских пленников, которым удалось выкупиться или отпущенных своими турецкими хозяевами на свободу. Впоследствии османское правительство позволило не принявшим ислам бывшим пленникам покинуть Стамбул на корабле «Крепость»²⁵.

2 августа 1700 г. Е. И. Украинцев и И. П. Чередеев отправились в обратный путь. Они везли в Москву султанскую грамоту и подлинный экземпляр трактата о тридцатилетнем перемирии между Россией и Османской империей²⁶. По предложению чрезвычайных посланников в Константинопольском договоре появилась статья, которая давала возможность царю в случае необходимости («буде когда надобно будет») направить своего посла на постоянную резиденцию при Высокой Порте. Царскому представителю гарантировались свободы и привилегии, равные тем, которыми обладали другие европейские дипломаты²⁷.

По договоренности с Высокой Портой до приезда великого посла с ратификацией мирного договора в турецкой столице с заданием регулярно докладывать «о поведении

в турецком государстве»²⁸ должны были пребывать переводчик польского и латинского языков Семен Федорович Лаврецкий, подьячий Григорий Юдин и толмач Дмитрий Петров. В Стамбуле также оставили «белорусца львовского жителя» Александра Белинского для обучения арабскому и турецкому языкам²⁹. Они перебрались в более скромный дом, размещавшийся в Фанаре близ резиденции А. Маврокордато. Высокая Порта по-прежнему обеспечивала русских представителей всем необходимым. В декабре 1700 г. подьячий Г. Юдин тяжело заболел и перед Рождеством скончался. Из-за опасения распространения заразной болезни и начала эпидемии С. Ф. Лаврецкий с остальными людьми был вынужден переселиться на другой двор³⁰.

6 февраля 1701 г. в Стамбул прибыл царский гонец подьячий Михаил Родионович Ларионов. В Москве не успевали снарядить посольство в прописанный в Константинопольском договоре шестимесячный срок, и Посольский приказ намеревался предупредить возможное недовольство Высокой Порты. Подьячий доставил грамоту о скором приезде великого посла с ратификационной грамотой и был поставлен на дворе, где прежде жил Е. И. Украинцев («...в полате, которая Михайлу отведена, посланы четыре ковра турецких да у стен положены четыре подушки триповые з золотом»)³¹. 20 апреля 1701 г. С. Ф. Лаврецкий и М. Р. Ларионов выехали из Стамбула в Эдирне (Адрианополь), куда несколькими днями раньше отправились султан Мустафа II и османское правительство.

Чрезвычайный и полномочный посол Д. М. Голицын вручил ратификацию в Эдирне. После отпускной аудиенции у султана он получил разрешение посетить османскую столицу. 14 сентября 1701 г. посол прибыл в Стамбул, где его разместили на том же дворе, что и Е. И. Украинцева. По приказу каймакама у Д. М. Голицына были поставлены на карауле чорбаджи и 100 янычар³². Извещенные о приезде царского посла иноземные дипломаты направили к нему своих служителей с поздравлением по поводу ратификации мира. Однако, узнав о том, что посол прибыл в Стамбул инкогнито, решили отказаться от визитов на русский двор³³.

В сентябре 1703 г. в Стамбуле по приказу Высокой Порты готовили двор для постоянного представителя Петра I при османском дворе П. А. Толстого. Годом ранее он вручил верительные грамоты в Эдирне, где по-прежнему находился османский двор. Однако летом 1703 г. в результате восстания янычар престол перешел к Ахмеду III, и правительство вернулось в Стамбул. Вслед за ним на берега Босфора поехал и русский посол.

19 сентября 1703 г. П. А. Толстой со своими людьми достиг предместий Стамбула и заночевал в шатрах близ морского берега. Как несколькими годами ранее Е. И. Украинцев, так теперь Петр Андреевич опасался, что предназначенные ему палаты не будут соответствовать статусу посла и «уронят честь» государя. Приехавший к П. А. Толстому чауш сообщил, что «...на тот же двор приезжал тефтедарь сам и всяких покоев осмотрил, и что требовало починки, то все устроено»³⁴. В рассказе о подготовке резиденции чауш подчеркнул, что «двор-де зело пространен», на нем двадцать жилых палат, поварни и просторные конюшни. Для посольских людей подготовили соседний двор³⁵.

На следующий день, 20 сентября, русский посол и его свита разместились в подготовленных для них покоях. Однако спустя несколько месяцев он пожаловался везиру на то, что «...хоромное строение, в которых пребывает, зело ветхо, и опасается, чтоб от великих ветров не обвалилось»³⁶. Позднее в беседе с английским послом П. А. Толстой

упомянул, что «прежде он стоял на дворе в тесном месте и моря было не видно. А поставили его на том дворе для того, что и прежние царского величества послы на том дворе ставали, и тот двор зело пространен и строения на нем много, толко не на веселом месте»³⁷. По этим описаниям можно предположить, что П. А. Толстому выделили двор, на котором прежде проживали Е. И. Украинцев, а затем М. Р. Ларионов и Д. М. Голицын.

Жалобы посла на плачевное состояние палат не оставили без внимания. По приказу великого везира дом осмотрели. По-видимому, состояние построек внушило опасения османскому правительству. Везир приказал «очистить и починить заново» здание, ранее принадлежавшее ачувскому паше Асану (Гасану). Предназначенный для П. А. Толстого двор был «с изрядным садом» и располагался «близ городской стены при краю моря на изрядно веселом месте»³⁸.

17 марта 1704 г. пристав Асан-ага сообщил П. А. Толстому, что двор полностью подготовили к переезду русского посольства. По словам аги, на ремонт здания потратили немалые средства, а для посольского «препокоения в жаркие дни» устроили фонтаны и провели «чистые воды». В тот же день «посол со всеми при нем пребывающими великого государя и своими людьми переехал. А тот двор близ городской стены при море недалеко Городовых ворот имянуемых Кункапи, еже есть Песочные ворота»³⁹.

Итак, резиденции первых петровских дипломатов располагались неподалеку от двorcов великого везира и османских вельмож. Петровские дипломаты не имели возможности выбрать по своему желанию подходящее здание. Однако они не платили ни за двор, ни за охрану (исключая подарки янычарам по праздникам или за выполнение поручений). С одной стороны, местонахождение русского двора упрощало Порте организацию переговоров. Для встреч с турецкими министрами русским дипломатам в отличие от их западноевропейских коллег не требовалось переезжать залив Золотой Рог (что в непогоду бывало затруднительно и даже опасно). Но, с другой стороны, османское правительство держало под контролем связи и общение послов и их служителей с европейскими дипломатами и единоверцами. При обострении русско-турецких отношений охрана немедленно превращалась в стражу, которая ограничивала свободу передвижения или вовсе запрещала покидать территорию двора послам и их служителям. Так, в мае 1705 г. Высокая Порта для оказания давления на П. А. Толстого «учинила» ему «великое утеснение». В течение нескольких дней посольских служителей не выпускали со двора даже для покупки продуктов. Доложив руководству Посольского приказа о недружественных поступках османского правительства, Петр Андреевич добавил: «Обаче радуюся, что такую тесноту претерпел в такие дни, когда мало есть подобает, еже на Страстной неделе»⁴⁰.

Первые петровские чрезвычайные посланники в Стамбуле Е. И. Украинцев и И. П. Чередеев пытались добиться выделения им двора в Фанаре. П. А. Толстой обратил внимание на Перу. Петр Андреевич понимал, что для успешного выполнения поставленных перед ним задач помощи одних единоверцев недостаточно. П. А. Толстой установил и поддерживал контакты с западноевропейскими послами и расширил круг своих информаторов за счет привлечения на тайную службу переводчиков иноземных дипломатов. Он настойчиво требовал у великих везиров выполнения статьи Константинопольского договора (1700) о предоставлении ему таких же свобод и привилегий («повольностей»), какие имели другие европейские дипломаты.

3 января 1710 г. султан Ахмед III подтвердил условия Константинопольского договора, и в русско-османских отношениях наступило кратковременное потепление. Воспользовавшись этим, П. А. Толстой добился от Высокой Порты разрешения перенести посольскую резиденцию в Перу. В одном из своих донесений английский посол Р. Саттон сообщил, что перебраться на другой берег Золотого Рога П. А. Толстому позволил Кёпрюлю Нуман-паша, вступивший в должность великого везира 4 июня 1710 г. Англичанин упомянул и дату переезда – 29 июня⁴¹. По-видимому, первое донесение в Москву из своей новой резиденции П. А. Толстой отправил 2 июля⁴². Двумя днями позже он написал Г. И. Головкину: «Меня турки отпустили жить на двор мой, которой нанял на Галатцкой стороне в Пере Византии, где все прочие послы пребывают. Обаче с великим трудом мне едва возмог учинить. Однакож гвардии от меня не отняли, и ныне живу на своем нанятом дворе под их же турецкою гвардиею»⁴³.

Таким образом, если двор в старой части Стамбула «безденежно» выделяла Высокая Порта, то дом в Пере П. А. Толстой (как и другие европейские дипломаты) оплачивал сам. Через несколько дней после переезда русский посол уже принимал в своей новой резиденции западноевропейских коллег. 9 июля «приезжал к послу поздравлять приездом ево на галатцкую сторону» английский посол со своими служителями и кушцами⁴⁴. 11 июля П. А. Толстому нанес визит венецианский посол, 13 июля – голландский посол, а 15 июля – цесарский резидент⁴⁵. В ноябре 1710 г., после объявления Портой войны России, именно из этого двора П. А. Толстого вместе с его служителями увезли в тюрьму Едикуле (Семибашенный замок). После освобождения из заключения послу запретили проживать в Пере. Однако впоследствии обустроенный П. А. Толстым двор несколько раз становился резиденцией русских дипломатов.

20 ноября 1711 г. в Стамбул прибыли полномочные министры П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев. Они должны были оставаться в Османской империи до выполнения Петром I условий мирного договора, подписанного в турецком лагере на р. Прут (12 июля 1711 г.)⁴⁶. В письме анонимного корреспондента, доставленном К. Урбиху в Вену из османской столицы, упоминалось, что «аманаты московския поставлены в великой дом, которой почитай в середине города, где их зело прилежно стерегут»⁴⁷. В 1712 г. на том же посольском дворе разместили и прибывшего с ратификационной грамотой стольника А. Ф. Лопухина.

Через пять дней после заключения Константинопольского мирного договора (5 апреля 1712 г.) османы освободили П. А. Толстого. По просьбе П. П. Шафирова великий везир распорядился освободить двор поблизости от резиденции русских дипломатов. Несколько дней («пока сыщут ему особливой двор») П. А. Толстой вместе со своими людьми не по своей воле стеснял П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева⁴⁸. Петр Андреевич разместился «с людьми государевыми» у послов «с нуждою». Поскольку места для всех не хватало, то часть служителей и вещей посла оставили в Едикуле⁴⁹. П. П. Шафиров ежедневно посылал переводчиков к османским министрам с просьбой ускорить подготовку двора для П. А. Толстого. Наконец 19 апреля Петр Андреевич вместе со своими служителями переехал в отведенную ему резиденцию⁵⁰. Высокая Порта посчитала полномочия П. А. Толстого утратившими свою силу и предоставила только половину двора. Поскольку в выделенных послу османским правительством помещениях нельзя было разместить всех служителей, то он арендовал другую часть здания⁵¹.

В одном из донесений П. П. Шафиров упомянул о конфликте, который произошел из-за этого двора между П. А. Толстым и «безделным резидентом цесарским здешним»⁵².

В апреле 1712 г. после подписания мирного договора иностранные дипломаты начали присылать к русским послам секретарей и переводчиков с поздравлениями. На посольский двор также приходили знатные иноземцы и представители турецкого правительства. 27 июня русские послы молебном и иллюминацией отметили третью годовщину Полтавской виктории. Основные торжества состоялись 29 июня, в день тезоименитства Петра I, когда русские дипломаты «...давали в доме своем торжества приглашением на обед иностранных министров и знатных купцов дружеских наций и представлением комедей на италианском и русском языках. А пред домом же их ввечеру зазжена была аллегорическая иллюминация, приличествующая тем дням, и для народу пущены были фонтаны с белым и красным вином»⁵³.

После получения «характера» чрезвычайных и полномочных послов П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев ожидали визитов глав дипломатических миссий. Помещения посольского двора ремонтировали и украшали, что потребовало значительных денежных средств, которые были зафиксированы в приходе-расходной книге. Данные материалы позволяют получить представление о внутренних помещениях посольского двора.

В посольской резиденции были жилые покои, парадные палаты, комната, где размещалась канцелярия, церковь, а также различные хозяйственные помещения и постройки. Весной-летом 1712 г. три палаты подготовили для предстоявших торжественных приемов. Половину самого большого помещения убрали «по здешней манере». Очевидно, эта часть зала предназначалась для приемов представителей Порты. Во время таких бесед русский посол сидел на кресле или стуле, а его визави располагался на подушках на лавке или софе.

Стены палаты украсили зеркалами в хрустальных рамах. На покрытый золотым ковром английский ореховый стол поставили портрет («персону») Петра I. Над ним установили балдахин, изготовленный из красного расшитого серебром бархата с золотой бахромой с канителью. На столе перед портретом царя лежал расшитый серебром и золотом цветной бархатный ковер, также обшитый по кругу золотой бахромой, и стояло зеркало в хрустальной раме. Рядом разместили три малых ореховых столика и двенадцать точеных ореховых кресел⁵⁴. Портрет царя в полный рост (вокруг фигуры которого располагались гербы завоеванных и присоединенных к России «провинций») заказали за 75 червонцев французскому живописцу Жан-Батисту Ванмуру. Другой француз – Франц Арг – изготовил резную раму, которую затем покрыли позолотой⁵⁵.

Стены второй палаты также обили бархатом и украсили зеркалами в хрустальных рамах. Стены комнаты, которая предназначалась для секретных переговоров, покрывала цветная шелковая парча⁵⁶. У купцов с Галаты приобрели мебель (позолоченные шкафы, складные деревянные стулья с сиденьями из холста, немецкие плетеные стулья и др.). Турецкий токарь Али изготовил небольшой ореховый стол под «боевые часы». В комнатах также стояли обитые турецким малиновым бархатом кресла и стулья. Полы всех жилых помещений покрывали рогожи, а на лавках лежали килимы (гладкие двусторонние ковры)⁵⁷.

На территории посольской резиденции на заднем дворе располагался колодец с насосом, там также находились баня и конюшня, где за лошадьми смотрел нанятый в Стамбуле арап. Для работ, связанных с очисткой двора, водопровода и «нужных мест»,

послы нанимали местных турецких работников. Они регулярно вывозили со двора сор и навоз («а от того навозу был великой смрад»⁵⁸). В мае 1712 г. турецкие работники чистили заваленную навозом конюшню, в июне прочищали и ремонтировали трубы «от нужников верхних на переднем дворе», в августе чистили задний двор «после умертвия одного человека язвою»⁵⁹.

Итак, русские министры не платили аренду за двор, однако за свой счет чинили обветшавшие помещения, обставляли их мебелью, заменяли разбитые окна, строили печи, чуланы и иные пристройки («...за множеством людей понеже негде было жить»), покупали, свечи, уголь и дрова⁶⁰.

В ноябре 1712 г., после второго разрыва мирного договора, послы и их служители (всего более 200 человек) были заключены в Едикуле. Бумаги, часть вещей, посуды и мебели им удалось упаковать и увезти с собой в тюрьму; оставшееся было повреждено или разграблено. 22 марта 1713 г. П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева освободили и отвезли в Эдирне, где находился султан и османское правительство. В Эдирне в течение нескольких месяцев продолжались переговоры, завершившиеся подписанием нового мирного трактата (13 июня 1713 г.). 29 ноября 1713 г. П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев вместе с доставившим из Москвы ратификацию Адрианопольского договора Д. А. Бестужевым-Рюминым вернулись в Стамбул. Как доносил П. П. Шафиров, «...поставлены по нашему желанию на прежних дворах»⁶¹. Находившиеся в течение года в запустении здания начали разрушаться. Жилые помещения и хозяйственные постройки пришлось снова приводить в порядок за российские деньги⁶².

В январе 1714 г. в Стамбул прибыл дьяк А. Т. Протопопов, чтобы после отъезда послов представлять интересы Петра I в качестве секретаря. Однако Порта его не приняла, поэтому все расходы дьяка оплачивались из государственной казны. А. Т. Протопопов несколько месяцев проживал неподалеку от послов «...з десетью человеки на особом дворе на своем иждивении»⁶³.

Лето 1714 г. русские дипломаты провели в Стамбуле, дожидаясь окончания разграничения земель, чтобы вернуться на родину. В июне «от несвободного воздуху и от великих здешних жаров на людей припала тягость» и один из служителей П. А. Толстого, польский повар Ян, скончался. П. А. Толстому и П. П. Шафирову пришлось переселиться на двор М. Б. Шереметева и Д. А. Бестужева-Рюмина. По просьбе русских послов Высокая Порта позволила им перебраться на двор неподалеку от «Севаливрийских ворот в урочище на Етмайдане, блиско пространныго лугу, при котором живут царгородские янычарские полковники... И тот посолской двор строением хоронным и садовым и воздухом прежнего двора лутче»⁶⁴. В своих письмах Г. И. Головкину дьяк А. Т. Протопопов упоминал, что на том дворе прежде стоял П. А. Толстой. На «особой дворик» близ резиденции послов переехал и А. Т. Протопопов⁶⁵.

Наконец 28 августа 1714 г. состоялась отпускная аудиенция у султана, и через несколько дней русские послы отправились на родину⁶⁶. По одной из статей Прутского мира, которую повторили и в Адрианопольском договоре, Петр I потерял право иметь постоянное представительство при Высокой Порте. Возможность пересмотра данного условия появилась только после поражения Османской империи в войне с Венецианской республикой и Австрией (1714–1718). Высокая Порта нуждалась в дипломатической поддержке и благосклонно приняла петровского чрезвычайного и полномочного посланника А. И. Дашкова. 13 мая 1719 г. он прибыл в Стамбул поздравить султана

с окончанием войны и подписанием Пожаревацкого мирного договора (1718). Также ему было поручено заверить Высокую Порту в том, что Петр I намерен по-прежнему поддерживать мирные отношения с Османской империей⁶⁷. За три года своего пребывания в Стамбуле А. И. Дашков сменил три двора. По приезде посланника поселили в доме близ Песочных ворот, в котором прежде размещался М. Б. Шереметев со своими людьми⁶⁸. По обычаю, двор находился под охраной янычар, которые неизменно сопровождали людей посланника в их передвижениях по Стамбулу⁶⁹.

Через год А. И. Дашков перебрался на другой берег Золотого Рога. 7 июня 1720 г. он написал в Санкт-Петербург: «Двор мне ныне дали турки в Пере, где стоял цесарской посол, с такими ж уборами как и ему, послу, дан был»⁷⁰. Архиепископ К. Галлани также подтвердил, что русского посланника поселили в доме, «в котором жывал граф Етинген, посол цесарский»⁷¹. Как и его предшественники, А. И. Дашков устроил на посольском дворе церковь («...зделан олтарь, и престол, и протчее»⁷²). Но через несколько месяцев состоялся новый переезд. 12 ноября 1720 г. посланник доложил в Санкт-Петербург: «...ныне тот мне двор дали турки, которой Петр Андреевич строил»⁷³.

А. И. Дашков вскоре заметил, что проживание в Пере обходилось ему в гораздо большую сумму, чем в старой части Стамбула. 17 ноября посланник написал: «Я ныне живу во дворе, которой строил Петр Андреевич и называют тот двор российским, так, как и других дворы от имени их называемы, токмо жить здесь при цареграцком втрое или вчетверо расход болши. Между христианы всегда надобе стол откровенной держать со всяким удовольствием, понеже многие приходят к столу из разных народов, а особливо когда ныне без всякого возбранения от турков всем волно на двор ко мне ходить, а наипаче в неделныя и в празднишныя дни в церковь. Также и в других вещах перед цареграцким житьем великая прибавка здесь есть»⁷⁴.

В сентябре 1721 г. «особливый» двор в Пере предоставили И. И. Неплюеву, который прибыл в Стамбул в качестве резидента. По словам А. И. Дашкова, «...встречи от турков никакой не было и подушек в прихожую избу не дали, понеже такова прикладу турки не нашли в своих записках, чтоб цесарским резидентам была встреча и даваны подушки»⁷⁵. После отъезда чрезвычайного посланника И. И. Неплюев поселился на его прежнем дворе. Однако за дом в Пере, где когда-то стояли П. А. Толстой и А. И. Дашков, его владельцу приходилось платить 456,5 левков в год⁷⁶. Также на дипломатов возложили уплату жалованья охранявшим резиденцию янычарам. Их было гораздо меньше, чем на посольском дворе в старой части Стамбула: три-четыре человека. Каждому из янычар И. И. Неплюев платил по 7 левков в месяц. На эти цели частично расходовались кормовые деньги, которые по-прежнему выделяла Порта. Чрезвычайный посланник А. И. Дашков получал от османского правительства кормовые деньги из расчета 20–40 левков в день, резиденту И. И. Неплюеву определили меньшую сумму – 4 левка и $6\frac{2}{3}$ пары (австрийский резидент получал по 5 левков)⁷⁷.

11 января 1722 г. на российском посольском дворе состоялся «публичный банкет» в честь заключения Ништадтского мира. В отличие от празднования третьей годовщины Полтавской победы, которое послы европейских государств проигнорировали, в устроенных И. И. Неплюевым торжествах участвовали французский и голландский послы, а также цесарский резидент. Европейских дипломатов сопровождали члены их семей и служители посольств, «...а при оных персонах служителей и янычаров, также

привадных ординарных людей было с пятьсот человек. Которые все трактованы как пищею, так и питием с удовольствием»⁷⁸.

Таким образом, в конце царствования Петра I условия пребывания русских дипломатов при Высокой Порте практически перестали отличаться от образа жизни в Стамбуле их западноевропейских коллег. Осталось в прошлом и «территориальное» разделение русских и европейских дипломатов. Начиная с 1720 г. российский посольский двор находился в Пере неподалеку от западноевропейских посольств. Перенос резиденции на другой берег Золотого Рога можно рассматривать в контексте процесса вхождения русских представителей в европейский дипломатический корпус в Стамбуле. В царствование Екатерины II в Пере был приобретен участок, на котором построили здание посольства. По преданию, его возводили на земле, привезенной на кораблях из России.

- ¹ Еремеев А. Е., Мейер М. С. История Турции в средние века и новое время. М., 1992. С. 150.
- ² Сабитова А. Р. Дипломатия и дипломаты Англии в Османской империи (начальный этап сотрудничества) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2015. Вып. 2. С. 64–65.
- ³ Подробнее см.: Мантран Р. Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного. М., 2006. С. 184–187.
- ⁴ Петросян Ю. А.: 1) Русские на берегах Босфора : исторические очерки. СПб., 1998. С. 95; 2) Османская империя : могущество и гибель. СПб., 2017. С. 103.
- ⁵ Cornelissen M. The World of Ambassador Jacobus Colyer: Material Culture of the Dutch 'Nation' in Istanbul during the first half of the 18th Century. [Thesis]. 2015. P. 166. URL: http://research.sabanciuniv.edu/34532/1/MarloesCornelissen_10098808.pdf (дата обращения: 10.04.2020).
- ⁶ Ibid. P. 169.
- ⁷ Berridge G. R.: 1) Notes on the Origins of the Diplomatic Corps: Constantinople in the 1620s // Discussion Papers in Diplomacy. 2004. No. 92. P. 8. URL: https://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/Clingendael_20040500_cli_paper_dip_issue92.pdf (дата обращения: 10.04.2020); 2) British Diplomacy in Turkey: 1583 to the Present. A Study in the Evolution of the Resident Embassy. Leiden ; Boston, 2009. P. 8–9.
- ⁸ Kolodziejczyk D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th–18th century): An Annotated Edition of 'Ahdnames and Other Documents. Leiden, 2000. P. 171, 178.
- ⁹ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. 1703 г. Д. 3. Л. 59 об.
- ¹⁰ Źródła do poselstwa Jana Gnińskiego, wojewody chełmińskiego do Turcji w latach 1677–1679 / wyd. F. Pułaski. Warszawa, 1907. S. 31.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1702 г. Д. 1. Л. 32 об. – 33.
- ¹² Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897. Т. 1. С. 205–206; Сатю Э. Руководство по дипломатической практике. М., 1961. С. 170–171.
- ¹³ Мантран Р. Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного. С. 102, 187.
- ¹⁴ Berridge G. R. Notes on the Origins of the Diplomatic Corps. P. 19–20.
- ¹⁵ Петросян Ю. А. Русские на берегах Босфора. С. 107.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Кн. 27. Л. 54–54 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 69.
- ¹⁸ Там же. Л. 69 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 230.
- ²⁰ Там же. Л. 221.
- ²¹ Там же. Л. 689.
- ²² Там же. Л. 1307 об.
- ²³ Там же. Л. 238 об.
- ²⁴ Там же. Л. 666.
- ²⁵ Подробнее см.: Богословский М. М. Петр I : материалы для биографии. М., 2007. Т. 5 : Посольство Е. И. Украинцева в Константинополь, 1699–1700. С. 188–198, 268–291.
- ²⁶ Там же. С. 309, 312.
- ²⁷ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 4. С. 71. № 1804.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1700 г. Д. 2. Л. 27.
- ²⁹ Там же. Оп. 1. Кн. 27. Л. 1254 об.
- ³⁰ Там же. Оп. 1. 1700 г. Д. 2. Л. 4.
- ³¹ Там же. Д. 4. Л. 35 об.
- ³² Там же. Оп. 1. 1701 г. Д. 1. Л. 125 об.

- ³³ Там же. Л. 126 об. – 127.
- ³⁴ Там же. Оп. 1. 1703 г. Д. 3. Л. 434.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Оп. 1. 1704 г. Д. 3. Л. 71 об.
- ³⁷ Там же. Л. 148 об.
- ³⁸ Там же. Л. 114.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 1. 1705 г. Д. 3. Л. 38–38 об.
- ⁴¹ The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople, 1710–1714 / ed. by A. N. Kurat. London, 1953. P. 17, 19.
- ⁴² РГАДА. Ф. 1274 (Панины и Блудовы). Оп. 1. Д. 3170. Л. 229 об.
- ⁴³ Там же. Л. 230 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 234 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 235 об.
- ⁴⁶ *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе : статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. : исследование и тексты. СПб., 2016. С. 45–48.
- ⁴⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83 (Походная канцелярия А. Д. Меншикова). Оп. 1. Д. 4860. Л. 1.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1712 г. Д. 6. Л. 232; Д. 7а. Л. 241.
- ⁴⁹ Там же. Д. 6. Л. 232 об.; Д. 7а. Л. 241 об.
- ⁵⁰ Там же. Д. 6. Л. 254 об.; Д. 7а. Л. 272.
- ⁵¹ *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе. С. 81.
- ⁵² Цит. по: там же. С. 578.
- ⁵³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 301. Л. 20–20 об.
- ⁵⁴ *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе. С. 82–83.
- ⁵⁵ *Базарова Т. А.* Русские дипломаты в Стамбуле и художник французского посольства Ж.-Б. Ванмур (1671–1737) : по материалам приходо-расходных книг П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711–1714 гг. // ТГЭ. [Т.] 83 : Петровское время в лицах – 2016 : материалы науч. конф. СПб., 2016. С. 57.
- ⁵⁶ *Она же.* Русские дипломаты при османском дворе. С. 82–83.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же. С. 83.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же. С. 75, 81.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 551.
- ⁶² Там же. Оп. 1. 1711 г. Д. 7. Л. 79 об. – 80.
- ⁶³ Там же. Оп. 1. 1714 г. Д. 8. Л. 172 об. – 173.
- ⁶⁴ Там же. Л. 49, 54 об. – 55 об.
- ⁶⁵ Там же. Л. 49.
- ⁶⁶ Подробнее см.: *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе. С. 63–64.
- ⁶⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1718 г. Д. 8. Л. 8–10.
- ⁶⁸ Там же. Оп. 1. 1719 г. Д. 12. Л. 1.
- ⁶⁹ Там же. Д. 3. Л. 26.
- ⁷⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1720 г. Д. 4. Л. 85.
- ⁷¹ Там же. Д. 6. Л. 49 об. – 50.
- ⁷² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1719 г. Д. 5. Л. 17 об.
- ⁷³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 89/1. 1720 г. Д. 4. Л. 150 об.
- ⁷⁴ Там же. Л. 175 об.
- ⁷⁵ Там же. Оп. 89/1. 1721 г. Д. 5. Л. 77 об.
- ⁷⁶ Там же. Оп. 89/1. 1722 г. Д. 9. Л. 2–2 об.
- ⁷⁷ Там же. Оп. 89/1. 1721 г. Д. 8. Л. 9, 24.
- ⁷⁸ Там же. Оп. 89/1. 1722 г. Д. 6. Л. 3 об. – 4.